

Подхваченные ветром снежинки вонзались в открытые участки его кожи словно тысячи крохотных ножей. Погода была не настолько суровой, как во время его перехода через равнину, но ветер был не менее свиреп. Даже несмотря на недавно разогретые камни в карманах, безжалостные порывы ветра вытягивали из него тепло с каждым новым шагом.

Снег всё ещё шёл, пускай и не так обильно, как до этого. Тем не менее, вскоре его ноги снова начали вязнуть в снегу. Ещё хуже было то, что он взбирался вверх по горной дороге. С трудом переставляя ноги, он сутулился, чтобы ненароком не упасть под беспощадными порывами ветра, дувшего ему в спину. Он держал голову опущенной, иначе ему трудно было бы дышать. Его глаза пересохли и держать их открытыми было почти также трудно, как идти. В полусогнутом состоянии и с полужакрытыми глазами он совершенно не мог определить, где он находился и куда он шёл.

Несколько раз он обнаруживал, что сбивался с пути из-за менявшегося направления ветра, и поспешно возвращался на дорогу, благодаря Небеса за то, что она пролегла не вдоль обрыва. По обоим сторонам от дороги росли буковые деревья, начисто лишённые листьев, но из-за снега он не мог определить, насколько сильно их поразила болезнь.

Упорно продвигаясь вперёд по извилистой дороге, он вскоре добрался до развилки. Более узкое ответвление взбиралось дальше вверх по склону, тогда как более широкое уходило вниз.

«Должно быть, я наконец-то приближаюсь к вершине», — подумал он. И, облегчённо выдохнув, направился по широкому пути.

— Эй, подожди! — раздался голос позади него.

Обернувшись, Хьёчу заметил тёмный силуэт, поспешно приближавшийся к нему.

— Это не тот путь!

Когда фигура приблизилась, Хьёчу с удивлением понял, что это был тот самый старик, которого он встретил у подножия горы.

— Хорошо, что я успел вовремя, — запыхавшись, воскликнул он, добравшись до Хьёчу. — Ты не пройдёшь там, дорога обвалилась. Не будь там снега, и будь дорогу видно получше, ты бы прошёл, но в такую погоду, боюсь, ты не справишься.

— Ты поэтому побежал следом за мной?

Старик ответил, что Хьёчу ушёл, не дав им времени объяснить всё это.

— Прошу прощения, — извинился Хьёчу.

— Всё в порядке, в порядке. А ты быстро ходишь. Должно быть, ты привык ходить по горам, — с этими словами старик направился по узкой дороге. — Учитывая, как далеко ты успел зайти, быстрее будет продолжить идти вперёд, а не поворачивать. Ещё немного пройдем вверх, и оставшаяся часть пути будет вниз по склону. У подножия горы ты найдёшь Санъё.

Хьёчу был рад компании, но ему было неловко из-за того, сколько проблем он устроил этому старику. Заметив, что он замер на месте в нерешительности, старик успокоил его:

— Я тоже иду в Санъё, как видишь. У нас кончаются некоторые припасы, я переночую там, и отправлюсь обратно следующим утром.

— Я благодарен за помощь, — поклонившись, ответил Хьёчу и они вместе направились по дороге. Подобные случаи словно бы делали ношу на его плечах ещё тяжелее. Конечно, там всё ещё лежало лишь круглое брёвнышко и голубая орхидея, но давившие на него проблемы со временем лишь множились. Мальчик, присматривавший за ним в таверне, хозяин таверны, взявший этого мальчика под свою опеку, пожилая пара, поддерживающая огонь для путников вроде него, лошадь, на которой он ехал, пока она могла везти его... И всё это не говоря о Хоуко, Кьёкэе и других его коллегах, работавших каждый день на протяжении шести лет, чтобы найти лекарство.

Особенно он был благодарен Кьёкэю. Для Хьёчу, Хоуко и прочих это была чрезвычайная ситуация национального масштаба. Кьёкэй же был охотником ябоку, бродягой без чётко определённой родины. Он не являлся подданным ни одного королевства. Он мог попрощаться и уйти по своим делам, и никто не остановил бы его.

Хьёчу однажды спросил Кьёкэя, откуда тот был родом. Это случилось в тот день, когда они устроили вечеринку в честь первой успешно прижившейся голубой орхидеи. Они устроили пикник в буковой роще неподалёку от администрации района, там же, где они тестировали саженцы.

Перепив, Хоуко и остальные отсыпались в садовом сарайчике. Бодрствовали лишь Хьёчу и Кьёкэй, потихоньку допивавшие остатки вина. Вспомнив об этом, Хьёчу мысленно отметил, что это был единственный случай, когда он общался с Кьёкэем в непринуждённой обстановке.

— Я родился в Хо, хотя я ничего не помню о том королевстве.

— Ты и твои родители были беженцами, верно?

— Ага, — коротко ответил Кьёкэй.

В то время, когда Кьёкэй родился, в правительстве Хо царил хаос. Вероятно, поэтому он считал себя человеком без родины, рискнул предположить Хьёчу. Хотя, Кьёкэй, кажется, и сам был не в курсе всех деталей о происходившем тогда в королевстве. Или, быть может, он просто не хотел говорить обо всём этом. Так или иначе, он и его родители переехали в Кё до того, как у

него успели сформироваться хоть какие-то воспоминания. А когда ему было четыре, родители продали его опытному охотнику ябоку, и с тех пор он больше никогда их не видел.

— Да уж, должно быть, тяжело тебе пришлось, — заметил Хьёчу.

— Я всё равно ничего из этого не помню, — мягко усмехнулся Кьёкэй. — Полагаю, моим родителям пришлось ещё более несладко, чем мне.

— Ты не держишь на них обиды?

— А какой в этом смысл? Если уж и обижаться на что-то, так это на хаос и разрушения, из-за которых всё это произошло.

— Это верно, — пробормотал Хьёчу.

С тех пор, будучи членом отряда охотников ябоку, Кьёкэй успел попутешествовать и пожить во многих королевствах.

— Ты ушёл от них, когда сам стал мастером, верно?

— Ну, у меня нет учеников, поэтому я не имею права называться мастером. По сути, я просто получил разрешение уйти от своего учителя.

— Но разве это не значит, что ты всё-таки стал мастером?

— Вероятно, — неуверенно ответил Кьёкэй. — Так или иначе, наши пути разошлись.

Судя по всему, даже когда охотники ябоку получали независимость, они некоторое время оставались в команде с кем-либо. Кьёкэй путешествовал с напарником вплоть до того времени, пока не решил остаться в провинции Кэй, чтобы помочь Хоуко и его команде.

— А ты планируешь и дальше работать охотником ябоку? — полюбопытствовал Хьёчу.

— Понимаю, со стороны кажется, что мы ребята свободные, приходим и уходим, когда захотим, но дело в том, что обещание есть обещание. Так что, когда я попрощался с Тамото и остался с вами... Полагаю, это означает, что я ушёл из профессии.

Хьёчу и понятия не имел о той цене, которую ему пришлось заплатить, чтобы влиться в их проект.

— Ради чего ты пошёл на всё это? Почему ты помогаешь нам?

— Потому что я не могу просто стоять в стороне и смотреть, как горы погибают.

— Я думал, вы, ребята, недолюбливаете госслужащих.

— Ну, должен сказать, я не так уж и хорошо знаком с чинушами, чтобы грести их всех под одну гребёнку. Полагаю, у меня есть некое предубеждение к ним. Все те стереотипы о том, что они просто кучка корыстных бюрократов, заинтересованных лишь в набивании собственных карманов. Но я стараюсь быть не таким узколобым, как остальные, и не буду делать выводы о человеке, не узнав его по лучше.

— Логично, — ухмыльнулся Хьёчу.

— В любом месте есть и хорошие, и плохие люди. Хоуко отличный пример. Даже мы, охотники ябоку, снимаем перед ним шляпу. Он знает горы даже лучше нас.

— Это у него в крови, — усмехнулся Хьёчу.

— Это точно, — улыбнулся Кьёкэй. — Куда бы он ни пошёл, он знает обо всех дарах природы, встречающихся в регионе. В том числе о том, что можно найти под деревьями ябоку. И в то же время ему известны все ценности, которые можно найти в горах. И он без проблем делится этими знаниями с ребятами вроде нас.

Их первая встреча произошла глубоко в горах. Кьёкэй и его команда взбирались в гору, тогда как Хоуко возвращался обратно. Когда они проходили мимо друг друга, едва успев заметить их, Хоуко окликнул их.

— Лесники?

Они не ответили.

— А, охотники ябоку, — сделал вывод Хоуко из их молчания.

После этого он сообщил им, что ближайшее дерево ябоку на горе было увешано плодами, но предупредил их, что идти нужно осторожно, поскольку дальше по склону находились несколько ульев с дикими пчёлами.

— Дикие пчёлы очень злые. Они строят свои ульи в земле, и стоит подойти к ним близко, они начинают вести себя так, будто ты объявил им войну. Один укус может вырубить взрослого мужчину, в худшем случае они убьют тебя. Хоуко же разметил все ульи на своём пути красными флажками. Мы были чрезвычайно благодарны ему за это.

К тому моменту ему уже хватало опыта, чтобы понять, насколько сильно это отличалось от

обычного отношения в их адрес. Госслужащие, работавшие в горах, те же лесники, например, относились к охотникам ябоку как к браконьерам, что разграбляют природные богатства. Будучи бродягами по своей природе, они относились к любой земле как к своей собственности. Но, поскольку в их распоряжении были необычные травы и растения, и лишь они знали, где их достать, госслужащим приходилось смотреть на деятельность охотников ябоку сквозь пальцы.

Хоуко, напротив, относился к его коллегам и сослуживцам как к равным. Как к таким же обитателям гор, как и он сам, и был совсем не против поделиться с ними информацией, когда они пересекались. И даже отвечал на любые уточняющие вопросы.

Однажды, когда надвигался шторм, он даже проводил их в укрытие.

— Пару раз мне даже доводилось отдыхать в доме семьи Хоуко в Сей'ине. После этого я заглядывал к ним каждый раз, когда был поблизости, и они всегда были рады меня видеть.

— Да уж, и не говори.

Таким уж был Хоуко. И, судя по всему, Хьёчу был единственным, подметившим это.

— На холмах рядом с Сей'ином растёт большая бамбуковая роща, верно же? Я не мог просто бросить её.

— И за это я тебе очень благодарен, — ответил Хьёчу, отвесив ему поклон.

— Ой, хватит, — отвернувшись, ответил Кьёкэй.

Хьёчу всегда считал, что Хоуко чувствует опасность куда лучше, чем все они. Хоуко мог видеть общую картину, его беспокойство за горы и за живущих там людей не было запятнано политическими мотивами или денежными интересами. Он считал обитателей гор частью самих гор.

Взгляды Хьёчу, с другой стороны, были куда уже. Конечно, он беспокоился о вымирании буковой рощи в Сей'ине, он понимал, что даже один оползень мог уничтожить деревню. Вскоре ему довелось узнать и о том, что опасность представляли и дикие животные, выходявшие из непроходимых лесов. Им тоже было по силам уничтожить деревню, и, как показала практика, они без проблем проникали в дома. Он не мог стоять в стороне и смотреть на страдания и потери людей. Поэтому он взялся помогать в надежде, что хотя бы другие деревни смогут избежать той же судьбы.

Наверняка были и другие чиновники, обеспокоенные о судьбе своих родных деревень и городов. Ради всех тех людей, ради всех, кому это было небезразлично, он должен был найти способ остановить распространение болезни.

Каждый раз, когда он был свидетелем добрых дел, что совершали другие люди, каждый раз, когда это трогало его, груз на его плечах становился всё тяжелее и тяжелее.

— Так что... К чему вся эта спешка? — поинтересовался старик.

Этот вопрос выдернул Хьёчу из воспоминаний обратно в реальность.

Тяжело дыша, они продолжали взбираться вверх по горной тропе. После каждого их выдоха перед ними ненадолго повисали облачка пара.

— Ну, мне нужно добраться туда, куда я иду, во что бы то ни стало.

— Хм, — протянул старик и неожиданно остановился.

Хьёчу последовал его примеру и, проследив за его взглядом, заметил впереди большое упавшее дерево, перекрывавшее им путь.

— Должно быть, ветер повалил его. Но всё равно, что упало лишь одно дерево, — с этими словами старик окинул взглядом склон горы, после чего снова принялся разглядывать дерево.

Хьёчу же хватило одного взгляда, чтобы понять, что произошло. Это было буковое дерево. Оно засохло и окаменело, после чего его ствол переломился под напором ветра.

— Нужно будет предупредить жителей Саньё, повозка здесь теперь точно не проедет.

Дерево было не слишком большим, и человек без особых проблем мог перелезть через него, но для транспорта это было непреодолимым препятствием.

— Так значит, об этом ты говорил? — поинтересовался старик, когда они перелезли через дерево.

Хьёчу лишь кивнул в ответ.

— Странно видеть дерево в таком состоянии. Они правда стоят столько, сколько поговаривают в народе?

— Насколько я знаю, да.

— А как тебе такое? — усмехнулся старик. — Может быть, вместо того, чтобы уведомлять власти, мне стоит позвать пару хороших приятелей из Саньё и утащить его? — он с интересом поглядел на Хьёчу, ожидая его реакции.

— Не беспокойся, — покачал головой Хьёчу, понявший, чего от него ожидали. — Я никому не скажу.

— Это хорошо, — усмехнулся старик. — Наверное, мне стоит поблагодарить нашего нового короля за восхождение на трон. Было время, когда Небеса посылали нам лишь одну катастрофу за другой.

Хьёчу промолчал. Когда-то он и сам считал также. Он радовался коронации нового правителя и искренне надеялся, что это поможет положить конец странной болезни буковых деревьев.

— Это вряд ли, — предупредил их тогда Кьёкэй.

Болезнь возникла не из-за того, что трон пустовал. Что означало, что она вряд ли закончится, когда трон всё-таки окажется занят. И, действительно, когда другие бедствия резко прекратились, это странное заболевание продолжило распространяться, медленно, но уверенно.

Тем временем политическая ситуация во дворце становилась всё более и более сложной. В обычной ситуации, чтобы получить аудиенцию короля, им нужно было посетить королевский дворец. Но слишком низкий чин не позволял Хьёчу и его коллегам сделать этого. А у высокоранговых чиновников едва ли было время на их проблемы. Они были слишком заняты привлечением обратно на службу огромного количества госслужащих, побросавших свои посты в провинции за время безвластия.

Теперь, когда у них, наконец, появился новый правитель, их начальство было в ужасе от перспектив, суливших им скорую потерю высоких постов. Конечно, их халатность и безразличие ни для кого не были новостью. Но даже после появления нового короля они вели себя настолько неразумно, что казалось, будто трон до сих пор пустовал. Они цеплялись за свой статус, казалось, даже сильнее, чем за жизнь. Они использовали каждую возможность разделаться с конкурентами и забрать их место. Они понимали, что грядут неизбежные реформы, и потому старались разграбить всё, что можно, до тех пор, пока им не указали на дверь.

Речь шла даже не о поддержании статуса кво. После коронации нового правителя предполагалось, что ситуация при дворе усугубится ещё больше. Но Хьёчу и его команда, наконец, нашли новое лекарство, а новый король, наконец, взошёл на трон. Они должны были найти возможность обратиться к королю и таким образом спасти буковые рощи.

Хьёчу с энтузиазмом представил результаты их исследований своему начальству и ничего не получил в ответ. Возможно, они просто не понимали всей опасности сложившейся ситуации. Предположив это, Хьёчу написал новый отчёт, в котором изложил все детали происходящего. Прошёлся по сложившимся перспективам и детально обрисовал последствия, с которым им уже приходилось сталкиваться. Также он подчеркнул, что им в администрации района Сецуко удалось отыскать лекарство, и что его нужно во что бы то ни стало представить королю, чтобы он мог попросить лекарство у рибоку во дворце.

Ответа из дворца всё равно не последовало. К тому времени с момента коронации прошло уже четыре месяца, но они не услышали ни единого слова. Если чиновники во дворце не хотели приходить к ним за лекарством, им оставалось лишь отнести его к ним. Но сказать было проще, чем сделать.

Голубая орхидея укоренялась в старых деревьях. И, после того как она укоренялась в древесине, её уже нельзя было пересадить. Она почти мгновенно увядала, стоило удалить её из дерева. Теоретически было возможно выкопать всё дерево целиком и перевезти его, но на практике это было невозможно.

А когда ветвь, на которой росла голубая орхидея, срезали с дерева, цветок умирал вскоре после того как умирала эта ветвь. Будь у них доступ к быстрым кидзю, всё было бы иначе. Но низкоранговый служащий вроде Хьёчу имел доступ лишь к лошадям. Вот почему к ним за лекарством должны были пребыть люди из дворца. Или хотя бы позволить им воспользоваться дворцовым кидзю.

Но, увы. Все попытки взаимодействия с придворными не увенчались успехом, отчего Хьёчу был вне себя от злости. После всей этой тяжёлой работы вместе с Хоуко и Кьёкэем, когда у них наконец-то были результаты, Хьёчу не мог доставить их до пункта назначения.

— В чём дело? — спрашивал он. — В чём проблема?

Но никто не отвечал ему.

Радость от того, что годы труда увенчались успехом, сменялась лишь всё большим и большим разочарованием.

«Я послал им бесчисленное количество запросов, но, судя по всему, где-то по пути они словно упираются в глухую стену».

То ли слова простого сотрудника по охране природы сочли недостойными внимания, то ли он недостаточно хорошо объяснил всю серьёзность ситуации, или, что более вероятно, их работа не соотносилась ни с одной из бюрократических процедур наверху, из-за чего все его отчёты попросту забывались на полках.

— Простите меня, — извинился тогда Хьёчу. Хоуко и его подручные вздохнули.

— Вот, значит, чем всё обернулось, — проворчал себе под нос Кьёкэй.

Хьёчу чувствовал отвращение в их реакциях. И это глубоко ранило его. В конце концов, собирать дары ябоку, и представлять их властям было его работой. И он составил все отчёты согласно регламенту. Не получить даже формальную отмашку в ответ было дико, совершенно невообразимо.

Но, если так подумать, в нынешние времена это было обыденностью в их королевстве.

Голос простых людей игнорировался. Все прошения отметались в сторону. Чиновники королевства трудились лишь себе во благо и задумывались лишь над тем, как наиболее выгодно они могли эксплуатировать простой народ ради собственной выгоды. А с воцарением нового короля, всполошившись из-за пошатнувшейся у них под ногами земли, чиновники лишь усугубляли всё своими отчаянными попытками уцепиться за власть.

Их совершенно не интересовала ни судьба королевства, ни судьба его жителей. Более того, можно было без преувеличения сказать, что они считали простой люд своим врагом. Именно поэтому Хьёчу прятал своё удостоверение поглубже в мешке. Ему вряд ли удалось бы успешно путешествовать по стране, демонстрируя всем свой статус. Уж точно не теперь.

Что ж, это было неизбежно.

Большой город, роде Ёсена, должен был пользоваться спросом у путников на этой дороге. Почему же все пути к нему были пустынными? Почему дым не вился из труб редких домов, мимо которых он проходил? Ответ был простым. Людей здесь попросту не было.

Население, которого когда-то хватало, чтобы поддерживать жизнь в большом городе, попросту исчезло в никуда. Множество жизней было потеряно. Опустевшие дома создавали тёмную и тяжёлую атмосферу разрухи. Улицы, на которых не было прохожих, были завалены мусором и занесены снегом. Городские стены потихоньку осыпались, а перекошенные ворота с трудом держались на своих петлях. Земля вокруг не была плодородной и даже Рикка, казалось, не подлежала ремонту и восстановлению.

Во всём этом не было вины простого народа. Поддерживать жизнь в городе было работой госслужащих, таких, как Хьёчу. Но вместо этого они лишь собирали налоги с людей и так едва сводивших концы с концами. Набивали свои карманы деньгами и не давали народу ничего взамен.

Поэтому он был совсем не удивлён тем, что люди, которым они должны были служить, презирали их. И он понимал, что в данный момент ничего не могло изменить этого отношения к ним. Что лишь подчёркивало важность его пути и то, что он должен был дойти до конца.

Голубая орхидея, которую он нёс, должна была попасть во дворец, должна была попасть в руки нового короля до того, как она завянет.